

Глядя на царивший в зале беспорядок, Тан Фань и его люди стояли как громом пораженные.

— Что происходит? – с трудом проговорил Тан Фань.

— Изгнание злых духов! – таинственно прошептал Дин Жун подле него.

“...”

Шуму их многочисленная компания наделала немало, пока входила, так что находившиеся в зале быстро их заметили.

Ван Юэ смутился, выражение его лица как бы говорило: “Меня заставили”. Ван Чжи же оставался невозмутим.

Даос с мертвым петухом в руке тоже заметил их. Зрелище было то еще.

Они продолжали смотреть друг на друга, пока Тан Фань не откашлялся:

— Господа, может, сначала переоденетесь?

Ван Юэ словно очнулся от забытья и тотчас поспешил выпутаться из неловкой ситуации.

Вежливо сложив руки, он слегка поклонился пришедшим:

— Я позабыл о манерах. Разрешите сначала привести себя в порядок!

Сказав так, он торопливо удалился весь в куриной крови и пером в волосах, которое, вероятно, даже не заметил. Пан Ци и остальных стражников его вид ужасно рассмешил, но те из последних сил сдерживались, стараясь сохранить серьезные выражения лиц.

Ван Чжи неторопливо последовал за Ван Юэ.

— Давно не виделись. Как поживал, командующий Ван? – с трудом сдержав улыбку, спросил Тан Фань.

— Ужасно! Чуть не сдох! – Ван Чжи был мрачен.

Увидев его выражение лица, все вздрогнули, раздумывая, не ляпнул ли кое-кто ничего лишнего, однако Тан Фань ничуть не испугался.

— А выглядишь вроде неплохо! – с улыбкой отвечал он.

Ван Чжи фыркнул. Его взгляд скользнул по Тан Фаню лишь мельком и остановился на Суй Чжоу:

— Я в долгу перед тобой, – он вежливо сложил руки.

Слова эти были словно вырваны из контекста, но Суй Чжоу понял, что тот говорит о том случае, когда чиновники накинудись на Западную Ограду, прося закрыть ее. Ван Чжи был

далеко в Датуне и не мог достать до них своим хлыстом. Суй Чжоу принял его людей у себя, прежде чем Западная Ограда пала, так что по возвращении Ван Чжи преданные люди будут ждать его.

Он оказал тому действительно большую услугу.

— Следует помогать друг другу, – ответил на приветствие Суй Чжоу. – Не стоит благодарностей.

Лицо Ван Чжи несколько просветлело:

— Присаживайтесь в боковом зале. Я отлучусь ненадолго.

Командующий Ван был весь в куриной крови и собирался переодеться. Он успел заметить, как Пан Ци и остальные служащие с трудом сдерживают смех, так что, закатив глаза, развернулся и вышел.

Дин Жун провел гостей в боковой зал, где они могли присесть, и велел подать чай.

Первым, кто вошел к ним спустя некоторое время, оказался не Ван Юэ или Ван Чжи, а тот самый даос.

Он уже успел переодеться в чистые одежды, да и вид имел не такой растрепанный и неопрятный, что прежде. Теперь он выглядел действительно возвышенно и одухотворенно, как и подобает монаху.

Заметив, что Суй Чжоу с Пан Ци его демонстративно игнорируют, даос обратился к Тан Фаню:

— Бедный даос Чу Юньцзы из храма Белого Облака, что на горах Дракона и Тигра (Лунхушань).

Услышав про горы Дракона и Тигра, Тан Фань слегка приподнял бровь, а затем с улыбкой встал:

— Левый помощник столичного цензора, Тан Фань. Так Ваше Святейшество с гор Дракона и Тигра? Прошу прощения, я был невежлив!

Со времен Чжан Даолина (основатель даосизма, I-II вв.) горы Дракона и Тигра оставались местом процветания одной из важнейших ветвей даосизма. С самого основания династии Двор продолжал следовать традициям Сун и Юань и величать религиозных лидеров гор Дракона и Тигра “Небесными мастерами”. Имя Небесного мастера Чжана было громоподобно. Каждый вспоминал о нем, стоило лишь услышать о горах Дракона и Тигра.

Император Чэнхуа в последние пару лет был одержим достижением бессмертия и даосизмом, иначе личности, вроде Ли Цзышэна, не пользовались бы его благосклонностью. Изначально император рассчитывал призвать в столицу Небесного мастера Чжана, но тот отклонил его приглашение, сославшись на то, что ему необходимо уединение.

Столь прославленные секты с тысячелетней историей, должно быть, обладали великой мудростью и секретом выживания. Они прекрасно знали, что, покинув гору, могут купаться в славе, но лишь до тех пор, пока жив император. С его смертью придворные чиновники наверняка примутся закидывать их обвинениями в пагубном воздействии на государя. Вот почему горы Дракона и Тигра никогда не принимали участия в дворцовых перипетиях.

Горы Дракона и Тигра не вмешивались, но это не значило, что остальные тоже станут презирать этот неистощимый источник богатств и почестей. Люди, вроде Ли Цзышэна, обратили к нему свои жадные взоры.

Чу Юньцзы несколько смутила вежливость Тан Фаня. Он рассмеялся:

— Хоть этот бедный даос и обучался в горах Дракона и Тигра, он не принадлежит к числу учеников Небесного мастера, так что не заслуживает подобного титула!

Человек этот говорил правду, поэтому Тан Фань решил обращаться к нему по-другому:

— Даочжан* прибыл сюда по приглашению коменданта Вана или командующего Вана?

Выражение лица Чу Юньцзы не изменилось:

— Бедный даос проходил неподалеку и увидел темную энергию в небе над Датунем. Испугался, что демоны замышляют что-то недоброе. Посчитал по пальцам – вскоре здесь произойдет катастрофа, потому и пришел. Комендант Ван и командующий Ван были мрачнее тучи, а, увидев бедного даоса, ужасно обрадовались и попросили протянуть им руку помощи. Монахи должны быть сострадательны, так что бедный даос сделает все, чтобы помочь.

Тан Фань: "..."

Тот говорил складно, но Тан Фань и сам отличался красноречием и был способен расслышать главное в бесконечной болтовне Чу Юньцзы: тот пришел сюда по собственной инициативе и остался благодаря своему хорошо подвешенному языку.

— Даочжан, это... – начал было Тан Фань, но нерешительно замолчал.

— Если у Цензора Тана есть вопрос, не стесняйтесь – спрашивайте, – торжественно ответил Чу Юньцзы.

— "Монахи должны быть сострадательны", – разве так не буддисты говорят? – Тан Фань откашлялся.

Пф-ф-ф!

В зале раздались приглушенные смешки – должно быть Пан Ци и остальные служащие были больше не в силах себя сдерживать.

Суй Чжоу же с чрезвычайно невозмутимым видом продолжал как ни в чем ни бывало пить чай.

Чу Юньцзы уже давно бродил по миру, так что прекрасно умел держать лицо. Слова Тан Фаня не вогнали его в краску. Он мягко улыбнулся:

— Будь то буддизм или даосизм – оба пути имеют своей целью самопознание и стремление к добру. К чему такие разграничения?

— Я был слишком придирчив, – улыбнулся в ответ Тан Фань. Ответ этого человека свидетельствовал о том, насколько глубоко тот продвинулся в самосовершенствовании.

Они успели перекинуться еще парой слов, прежде чем в зал один за другим вошли Ван Юэ с Ван Чжи.

Поприветствовав друг друга, все снова заняли свои места.

— Слышал, – начал Ван Юэ, – что цензор Тан и глава Двора Суй столкнулись с некоторыми трудностями при входе в город. Это было действительно неправильно. Приношу вам извинения за тех слепых негодяев!

С этими словами он поднялся и вежливо сложил руки.

Он был главнокомандующим второго ранга и военным министром, а во второй год правления Цзинтая сдал императорский экзамен. Как могли Тан Фань с Суй Чжоу позволить ему извиняться? Они тотчас поднялись, вежливо сложив руки в ответ.

— Комендант Ван, не стоит, – проговорил Тан Фань. – Чем этот скромный чиновник заслужил подобное? По дороге Дин Жун уже ввел нас в курс дела. Мы считаем ваше решение вполне разумным. Если бы шпионы проникли в город под личиной чиновников, последствия были бы весьма трагичны!

Ван Юэ горько улыбнулся:

— Признаюсь, мы не ожидали, что эти демоны осмелятся притворяться чиновниками. Приходится оставаться настороже и касаясь Восточной Ограды, этой “горячей картошки”.соблюдать осмотрительность!

Обладая столь высоким рангом и властью, Ван Юэ мог не оправдываться перед Тан Фанем и остальными, но он продолжал вести себя очень вежливо, поскольку уже долгое время не был в столице, в то время как гостей прислал сам император. Должно быть, он боялся, что, затаив обиду, те по возвращении напишут на него очередной донос. Дабы обеспечить себе безбедное будущее, необходимо уметь строить хорошие отношения с людьми.

Устав слушать их обмен любезностями, Ван Чжи подал голос:

— Вы здесь впервые, так что позвольте мне прежде всего ознакомить вас с ситуацией.

— Как раз хотел предложить, – отозвался Тан Фань. – Командующий Ван, прошу, говори.

Рассказ Ван Чжи был более подробным, чем рассказ Дин Жуна.

Ван Чжи прояснил все моменты, что могли остаться непонятными после объяснений последнего.

С самого основания династии Мин мира на севере не было. А затем Юнлэ, несмотря на несогласие высокопоставленных чиновников, перенес столицу в Пекин. Сделал он это не только потому, что никак не мог приспособиться к южному климату, но и для того, чтобы будущие поколения не закрывали глаза на северную угрозу и надежно следили за ситуацией на границе. Однако после Тумунской катастрофы, когда три основных столичных армии были уничтожены, возможность новых ударов страшила Великую Мин.

Как только племена ойратов начали терять свою силу, поднялись татары, ставшие огромной угрозой для северных земель Мин. Мало кто верил в то, что армия Мин способна победить их.

Однако Ван Юэ убедил Ван Чжи упросить императора послать войска на север. Война эта длилась уже более двух лет.

Вдвоем они покинули столицу и, прибыв сюда, добились нынешних высот, организовав оборону практически с нуля. Все это время они денно и нощно работали, пока наконец не изменили ход войны и не повергли могучих татар. Теперь их набеги, прежде совершаемые, как к себе домой, по десять-двадцать раз в год, сократились практически в пять раз – великолепное достижение!

Однако в конце прошлого года все изменилось.

Татары, что прежде всегда лишь наступали и убегали после боя, полагаясь только на грубую силу, в одну ночь внезапно научились закулисным играм. Одну за другой они изобретали все новые хитрые уловки: посылали шпионов, заманивали врагов в ловушки, умело заматали следы, – чем немало озадачили Мин.

На полях сражений, имея опыт великих стратегов Сунь Ву (период Весен и Осеней, VI-V вв. до н.э.) и Сунь Биня (потомок Сунь Ву), даже пару раз попав в ловушку, генералы Мин должны были извлечь урок из своих ошибок. Однако на то, что происходило вне поля боя, они повлиять не могли.

Каждый раз, стоило только армии Мин совершить маневр, татарская сторона как-то узнавала обо всем и готовилась загодя. Пару раз они обходили места дислокации войск Мин и совершали набеги на слабо защищенные территории – подобное предотвратить было ужасно сложно.

В связи с этим Ван Юэ приказал провести обыски по всей префектуре Датун, в результате которых были обнаружены несколько групп шпионов. Одних из них поймали незадолго до прибытия Тан Фаня. Те притворялись чиновниками из префектуры Пинъян. Стражники у ворот не отнеслись к проверке их личностей с должным вниманием и были обмануты. Обнаружить шпионов удалось лишь после массового обыска.

Однако полностью взять под контроль ситуацию не удалось. Не закрывать же всю префектуру Датун! Люди входили и выходили – гарантировать то, что среди них не было шпионов, было

нельзя. Кроме того, перед битвами проводились обязательные совещания со всеми генералами. Даже если те держали планы в тайне, при передаче приказов информация все равно просачивалась татарским шпионам.

После нескольких масштабных обысков Ван Юэ с Ван Чжи так и не нашли корень зла.

Однако самой большой их головной болью было не это.

За два последних месяца татары пять раз совершали набеги, все из которых были отбиты армией Мин, однако в процессе преследования врага три отряда исчезли без следа. Нашли лишь семерых. Дин Жун прежде уже рассказывал о них: эти выжившие были ужасно перепуганы и наперебой рассказывали о преисподней и призраках. Если бы не плелись в хвосте отряда, живыми бы не вернулись.

Услышав об этом, некоторые захотят поинтересоваться: “Говорят же: “Не преследуй пораженного врага”, – так почему армия Мин столько раз позволяла одурачить себя?”

Спрашивающие явно не разбираются в военном деле.

Да, пораженного врага не стоит преследовать, но есть еще одна поговорка: “Умножай победу, догнав и уничтожив врага”. Обладая богатым военным опытом, Ван Юэ отдавал приказ преследовать противника, тщательно все обдумав, и лишь в том случае, когда тот убегал в панике и догнать его представлялось возможным.

Произошедшее же объяснить было крайне сложно.

Новости о неудачах на поле боя одна за другой доходили до столицы в неполном виде, что давало политическим противникам шанс нанести удар.

Прежнего губернатора Датуня сменил Го Тан. Он прибыл лишь на полмесяца раньше Тан Фаня, но уже успел несколько раз поссориться с Ван Юэ и Ван Чжи. Скорее всего, он настроил в столицу немало очерняющих их доносов, из-за которых теперь руки у этих двоих были связаны.

Ван Юэ слышал, что Тан Фань неплохо ладит с Ван Чжи и имеет разногласия с фракцией Вань Аня, а потому с нетерпением ждал его как минимум для того, чтобы тот поставил на место Го Тана, иначе недопонимания между ними и императором станут еще более опасными и тот решит, что Ван Юэ с Ван Чжи – неспособные сражаться трусы.

Однако сокрыть информацию об исчезновениях солдат не удалось. Вскоре разлетелось множество слухов о том, что татары, пользуясь поддержкой духов и богов, научились вызывать шторма, выращивать солдат из бобов и колдовством заставлять людей исчезать, что сильно пошатнуло боевой дух воинов. Даже Ван Чжи ощущал какое-то зло, так что, повстречав Чу Юньцзы и тщательно его проверив, попросил того помочь изгнать нечисть.

Все это привело к той нелепой сцене, свидетелями которой стали Тан Фань и его люди.

— Где сейчас губернатор Го? – спросил Тан Фань, выслушав Ван Чжи.

— Взглянув на обряд Чу Юньцзы, он заявил, что тот еретик и он не хочет принимать в участие в этом безобразии! Ушел, взмахнув рукавами!

— Путь дао широк и глубок, – вставил Чу Юньцзы. – Пока в сердце живет добро, а дела совершаются во благо другим, ты на правильном пути. Губернатор Го слишком узко мыслит!

Тан Фань покачал головой и спросил, обращаясь к Ван Чжи:

— Не боишься, что он пожалуется Его Величеству на то, как вы ведете дела?

— Не забывай, Его Величество в последнее время очень восхищается даосизмом. Подобные жалобы будут нам только на руку.

Тан Фань лишился дара речи. Так они намеренно выводили Го Тана из себя!

Ван Юэ с улыбкой вздохнул:

— Го Тан связывал нам руки: один за другим доклады строчил – некому было защитить нас. К счастью, Его Величество мудр и знает, что следует выслушать обе стороны. Теперь, когда вы двое здесь, у меня от сердца отлегло!

Все эти дни ему приходилось командовать армией, искать источники утечки информации, разыскивать вражеских шпионов и защищаться от обвинений Го Тана – давили и снаружи, и изнутри, что ужасно изматывало.

Говорил он, обращаясь к двоим, но все его внимание было сосредоточенно на Суй Чжоу.

Служащий Императорской Стражи, вроде Суй Чжоу, мог докладывать непосредственно Сыну Неба. Ему не нужно было проходить через Управление Связями и Кабинет, что могут остановить его на полпути. Даже будучи цензором, Тан Фань не обладал подобными привилегиями.

Это было уникальное преимущество Императорской Стражи, именно поэтому ее уважали и боялись.

Встретившись взглядом с горящими глазами собеседника, Суй Чжоу едва заметно кивнул:

— О результатах расследования будет честно доложено.

Камень упал с сердца Ван Юэ, а улыбка стала еще более восторженной.

Разговор подошел к концу. Тан Фань с остальными очень устали с дороги. Как хорошие хозяева, Ван Чжи с Ван Юэ должны были оказать им достойный прием. Вскоре в поместье коменданта для всех был накрыт стол. Лишь Го Тана не позвали. За главным столом сидело несколько человек, Пан Ци и других служащих посадили отдельно. К столу подали горшки со свежим костным бульоном, нежного ягненка и всевозможные гарниры из тофу, грибов и овощей.

Все были ужасно голодны и уплетали за обе щеки. Чу Юньцзы увлеченно жевал вместе со всеми. Заметив странные взгляды, что время от времени кидал на него Тан Фань, он объяснил:

— Бедный даос – последователь Школы Истинного Единства, а не Полного Совершенства. От мяса можно не отказываться. Кажется, цензор Тан наделен достаточной мудростью и проницательностью, чтобы следовать даосизму. Не хочешь стать учеником бедного даоса?

— Путь Школы Истинного Единства не мешает жениться и иметь детей! – добавил он в конце.

Господин Тан аж взмок, уголки его губ невольно дернулись:

— ...Благодарю даочжана за предложение, но, боюсь, я слишком занят и не смогу сосредоточиться на самосовершенствовании.

Сказав так, он ненароком встретился взглядом с сидевшим напротив него Суй Чжоу.

Тот едва заметно улыбался. Глядя на него, Тан Фань внезапно ощутил прилив необъяснимой вины и тотчас отвел взгляд.

После ужина пришло время приступать к делам. Чу Юньцзы благоразумно удалился, Пан Ци и остальные служащие тоже поспешили покинуть их.

Ван Юэ пригласил Суй Чжоу к себе в кабинет, желая переговорить один на один, а Ван Чжи с Тан Фанем остались сидеть в боковом зале.

— Так значит, Чу Юньцзы действительно спустился с гор Дракона и Тигра? – спросил Тан Фань.

— А я почему знаю?

— ...Тогда почему ты позволил ему остаться и услышать так много?

— Специально, чтобы удержать его здесь. Чем больше он услышит, тем лучше.

— Ты уже давно подозреваешь его, потому и притворяешься, чтобы прощупать почву? – догадался Тан Фань.

Ван Чжи поднялся и принялся расхаживать по залу, заложив руки за спину:

— Я не уверен, поскольку татары узнавали о наших планах еще до того, как он появился. Но он и правда подозрительный. Лучше держать его в поле зрения, чем позволять бродить, где вздумается!

— Не ожидал, что, пробыв в Датуне всего два года, командующий Ван в совершенстве овладеет тактикой обманного маневра! – усмехнулся Тан Фань. – Мое восхищение!

— Да какой в этом толк?! – холодно отвечал Ван Чжи. – Западной Ограды больше нет! Так и знал, что, перейдя на сторону Вань Туна, Шан Мин, этот черепаший сын, воспользуется его властью и нанесет мне удар!

Он казался спокойным, но в душе еще не принял случившееся, иначе не скрежетал бы зубами при упоминании Шан Мина.

Подобная реакция была вполне нормальной.

Вне зависимости от того, хорошей была Западная Ограда или плохой, она была его детищем, что по своей мощи могла соперничать с такой старой организацией, как Восточная Ограда, и даже превзойти ее! И вот она разрушена в одно мгновение.

Любой бы расстроился.

А Тан Фань лишь подлил масла в огонь:

— На самом деле, в том, что Западной Ограды больше нет, есть и свои плюсы.

Не обращая внимание на молнии, что метал в него взглядом Ван Чжи, он сделал глоток чая и неторопливо объяснил:

“Не злись. Сперва послушай, что я скажу.

Забудь пока про Западную Ограду, лучше подумай, с момента основания Восточной Ограды, сколько ее глав кончили хорошо? Хоть одного назовешь? Не будем далеко ходить, возьмем к примеру Хуай Эня и Лян Фана, этих двух старых лисов. Кто-нибудь из них хоть раз связывался с Восточной Оградой? Ни один, поскольку они прекрасно осведомлены о том, как непредсказуема судьба ее глав. Они предпочитают сражаться во дворце, не касаясь Восточной Ограды, этой “горячей картошки”.

Не смотри на то, как Шан Мин теперь приплясывает от радости. Он отвечает за Восточную Ограду и состоит во фракции Ваней. Однако с этой фракцией его связывают лишь корыстные интересы, связь эта ненадежна. Если что случится, Вань Тун тотчас сделает Шан Мина козлом отпущения.

Я знаю, что ты в одиночку создал Западную Ограду и не можешь так просто расстаться с ней, но ее существование теперь принесло бы тебе больше вреда, чем пользы. Она закрылась, так что просто отпусти ее. Как только разрешим это дело, отправишь Его Величеству прошение, в котором упомянешь и Западную Ограду. Его Величество мягкосердечен, а потому, прочитав его, позволит тебе вернуться в столицу”.

Ван Чжи, возможно, и понял, о чем говорит Тан Фань, но не мог так просто переступить через себя и отпустить ту безграничную власть, которой обладал прежде. Какой смысл ему возвращаться в столицу по окончании боевых действий?

Теперь он будет в ней лишь бессильным евнухом. Обезьяны разбежались, как только дерево пало. Кому он там теперь нужен?

— Говоришь ты складно, но не думай, что я не знаю, что ты, как и остальные гражданские чиновники, с нетерпением ждал, когда Западная Ограда прекратит свое существование! – усмехнулся Ван Чжи.

— Верно, я давно считал, что Западной Ограде нет места в этом мире, – честно, не юля, признался Тан Фань.

Ван Чжи уставился на него и, обнаружив, что тот продолжает улыбаться ему, не демонстрируя ни капли страха, совсем отчаялся.

— Мы с тобой уже давно знаем друг друга, – рассмеялся Тан Фань, – и ты в курсе, что говорю я не про тебя. Речь не только о Западной Ограде, но и о Восточной, и об Императорской Страже. Любой, кто знает о настоящих целях, преследуемых их основателями, считает, что подобные организации не должны существовать. Вспомни династии Цинь, Хань, Тан и Сун – разве во времена их расцвета требовалось следить за чиновниками, дабы завоевать сердца людей? Если про Императорскую Стражу еще можно сказать, что она как палка о двух концах, имеет и плюсы, и минусы, то в Восточной Ограде действительно нет ничего хорошего. Мы, гражданские чиновники, мечтаем о том, чтобы и она исчезла с лица земли.

— Тан Жуньцин! – мрачно проговорил Ван Чжи. – А ты храбрец! Смеешь критиковать правила, установленные императором-основателем и Сыном Неба Юнлэ?!

— Я считаю командующего Вана близким человеком, поэтому и говорю о наболевшем. Что не так? – невинно захлопал глазами Тан Фань.

Ван Чжи проигнорировал его.

— Так что ты не можешь винить лишь Вань Туна и Шан Мина в потере Западной Ограды, – продолжал Тан Фань. – Даже я не хочу, чтобы она существовала, что уж говорить о других чиновниках при Дворе? Восточной Ограде уже много лет, она глубоко пустила свои корни, и сдвинуть ее с места пока не выйдет, в то время как фундамент Западной Ограды не настолько прочен. Дабы не дать ей в будущем превратиться в монстра, вроде Восточной Ограды, люди, даже и без Шан Мина с Вань Анем, писали бы прошения об ее закрытии.

Услышав радость в его голосе, Ван Чжи не смог сдержать гнева.

Чуть успокоившись, он холодно расхохотался:

— Хочешь сказать, что желал, чтобы все так обернулось?

Тан Фань рассмеялся, делая вид, будто не слышит сарказма в его голосе:

“Хочу сказать то, о чем уже говорил ранее. Есть поговорка: “Счастье и несчастье – две стороны одной медали”. Порой то, что кажется хорошим, таковым не является, а то, что кажется плохим, на деле не так уж и плохо. Как видишь, опытные игроки, вроде Хуай Эня и Лян Фана, обходят Восточную Ограду стороной. Теперь то, что Западной Ограды больше нет, может пойти тебе на пользу.

Я знаю, ты всегда мечтал о великих свершениях, как и любой другой амбициозный мужчина в этом мире, но тебе с твоим положением добиться чего-то раз в десять, если не в сто, сложнее, чем обычному человеку. Ты отличаешься от Хуай Эня и еще больше отличаешься от Шан Мина. Вместо того, чтобы наращивать силы во дворце или столице, ты уехал на границу за тысячу ли. Твоя амбициозность восхищает! Дай угадаю, командующий Ван, в душе ты восхищаешься великим евнухом Трех Сокровищ (Чжэн Хэ, 1371-1435 гг, адмирал, флотоводец, путешественник и дипломат)?”

Ван Чжи поклялся больше не обращать внимания на его сладкие речи, но услышав эти слова, не удержался от вопроса:

— Как ты узнал?

— Великий евнух Трех Сокровищ, – с улыбкой отвечал Тан Фань, – сопровождал императора Юнлэ во всех битвах и заслуги имел не меньше, чем у героев битвы при Цзиннэ (1399 г., битва в Войне ради преодоления трудностей, в результате которой император Чжу Ди захватил трон). Не будь он евнухом, получил бы дворянский титул. Помимо этого, он семь раз плывал на запад, внося огромный вклад в развитие династии. Последующие поколения, читая о нем, жаждут повторить его подвиги и искренне восхищаются великим евнухом Трех Сокровищ!

Эти слова тронули Ван Чжи, выражение его лица несколько изменилось.

На самом деле их современники не особо высоко оценивали путешествия Чжэн Хэ. Они считали, что подобные экспедиции на запад, кораблестроение и мореплавание опустошили казну Великой Мин и не принесли никакой пользы – лишь радость Сыну Неба доставили. Особенно популярны подобные мнения были из-за морского запрета (существовал во времена Мин и Цин в целях борьбы с пиратством, наносил ущерб экономике, инициатор – враждебно настроенный к иностранцам император Хуньу).

Однако Тан Фань считал иначе.

Его слова тронули Ван Чжи, потому что тот восхищался подвигами Чжэн Хэ.

— Ты прав, – проговорил Ван Чжи, помолчав некоторое время. – Единственный, кем я восхищаюсь, это великий евнух Трех Сокровищ. Мне ненавистен тот факт, что я родился слишком поздно и не могу сопровождать императора Юнлэ в походах, как он. Ныне даже против войны с татарами все возражали! Если мы победим, на нас все равно посыплются упреки от всяких негодяев! При императоре Юнлэ такого бы не произошло!

В его голосе звучала обида.

Тан Фань покачал головой:

— Командующий Ван, ты перегибаешь палку. Если хочешь подражать великому евнуху Трех Сокровищ, почему сконцентрировался лишь на военных подвигах? Семь его плаваний на запад тоже вошли в историю.

— Это была пустая трата денег и сил. Нашел чему подражать!

— Да, ресурсов затрачено было много, но и пользы эти путешествия принесли немало, – с улыбкой отвечал Тан Фань.

Хоть император-основатель и ввел строгий морской запрет, Тан Фань бывал на юге и своими собственными глазами видел, как многие моряки, не в силах из-за этого запрета свести концы с концами, были вынуждены заниматься контрабандой. Число таких, если верить официальным документам, с каждым годом росло. Запрет существовал только на бумаге, а на деле давно изжил себя. Он мог сдерживать лишь законопослушных граждан, а не тех “беззаконников”, что

ставили на карту все, чтобы выжить. В последние годы на побережье стало появляться все больше мореплавателей, что занимались контрабандной торговлей с другими странами. Кто-то шел дальше и даже вступал в сговор с японскими пиратами и грабил жителей побережья.

Путешествия на запад Чжэн Хэ не считались нарушением запрета императора-основателя, поскольку осуществлялись на государственных кораблях, а не гражданских. По правде говоря, после его путешествий запрет на морскую торговлю стал постепенно смягчаться, но до сих пор никто пока не рискнул отменить его окончательно.

С другой стороны, количество официальных морских экспедиций после Чжэн Хэ резко сократилось, поскольку многие при Дворе считали, что подобное – лишь пустая трата ресурсов. Мало кто верил, что официальные экспедиции пойдут на пользу Двору и стране в целом.

Но Тан Фань сам видел мореплавателей, возвращавшихся издалека с переполненными заморским грузом кораблями, приобретенным после продажи товаров Великой Мин в соседних странах. Он прекрасно понимал, что подобное консервативное мышление ошибочно!

Из-за морского запрета Двора такие сделки считались незаконными и причислялись к контрабанде, но власти просто закрывали на них глаза и не обкладывали налогом. Столько денег, что могли попасть в казну, пропадали впустую! Каждый раз слыша, как Двор бьет себя кулаком в грудь и кричит, что денег на борьбу с последствиями стихийных бедствий нет, при этом игнорируя столь выгодные и безобидные источники дохода, Тан Фань в отчаянии заламывал руки.

После объяснений Тан Фаня Ван Чжи осенило:

— Ты хочешь, чтобы я убедил государя снять запрет на морскую торговлю и сам отправился в плаванье? Ты же знаешь, времена уже не те, что при Юнлэ, да и Судостроительной Ограды больше нет. Остались лишь драгоценные корабли (так называли корабли, участвовавшие в экспедициях Чжэн Хэ), что и в море-то выйти не смогут. А если и смогут, то некоторые личности, только услышав о путешествии на запад, тотчас начнут кричать о бесполезных тратах денег и сил и засыпят меня с ног до головы обвинениями. А разрешение торговым судам выходить в море эти личности расценят как нарушение завета предков и начнут топтать ногами. Ты помочь мне хочешь или навредить?

— Государственные суда – лишь условность, – с улыбкой ответил Тан Фань. – Есть предложение, как можно поймать двух зайцев. Не стоит концентрироваться на чем-то одном. Если хочешь добиться высот, гляди шире.

— И что ты предлагаешь? – с подозрением покосился на него Ван Чжи.

— Как я уже говорил, налоги с морских торговцев помогут увеличить доход в национальную казну. Ты ведь согласен со мной?

Ван Чжи кивнул.

— Проблема заключается в том, – продолжал Тан Фань, – что если выход в море разрешат лишь государственным судам, а не торговым, Двор воспротивится, да и пользы особой не будет. А

разрешение на выход в море торговым судам, а не государственным будет рассчитано как нарушение закона предков, так?

Ван Чжи снова кивнул.

“Это легко, – Тан Фань снова улыбнулся. – Двор может учредить специальную организацию, занимающуюся сбором налогов с морской торговли и выдавать определенное количество разрешений на выход в море в течение года. Те, кто захотят выйти в море, должны будут набрать товару и торговать в соседних странах от имени государства. Весь приобретенный ими груз будет облагаться налогом, а те, что торгуют без разрешения будут сурово наказаны.

Взимаемый налог может быть разделен следующим образом: шесть десятых пойдут в государственную казну, а четыре оставшихся – во внутреннюю (императорскую). Так и Двор, и Его Величество окажутся в плюсе, а раз суда торгуют от имени властей, запрет императора-основателя нарушен не будет. Если кто и станет протестовать, то не слишком сильно.

А самое главное то, что если получится провернуть все это, ты сможешь взять под контроль ту организацию по морской торговле, собирать деньги и помогать Его Величеству и Двору пополнять казну. В таком случае никто не посмеет усомниться в твоём статусе, а в глазах Его Величества ты станешь незаменим. Разом решим столько проблем! Разве не хорошая идея?”

В зале на мгновение воцарилась тишина. Слышно было лишь дыхание Ван Чжи.

С его-то физической формой и боевыми навыками он не должен был так тяжело дышать.

Он долго смотрел на Тан Фаня, не в силах вымолвить ни слова, и в конце концов произнес:

— Ты точно не хочешь стать дельцом? Такой талант пропадает!

— ...Это был комплимент или насмешка? Звучит как-то не очень.

— Считаю это комплиментом, – отмахнулся Ван Чжи.

Шаг его становился все быстрее и быстрее. Он наматывал по залу круги, тщательно обдумывая слова Тан Фаня.

Хорошенько взвесив все за и против, он понял, что предложение Тан Фаня не так уж и невыполнимо.

Если бы он решил добиться отмены морского запрета, то неизбежно столкнулся бы с беспрецедентным сопротивлением, но если следовать совету Тан Фаня, сопротивление будет в разы меньше. Если бы сопротивления не было вовсе, нашлось бы немало желающих проверить подобное. Разве в таком случае у Ван Чжи был бы шанс?

Но самым главным было то, что слова Тан Фаня открыли Ван Чжи глаза на совершенно новые возможности, заставив его задуматься о проблемах, о которых он прежде и не помышлял, предоставили шанс увидеть мир, которого он раньше никогда не знал.

Он думал, что уже достиг своего предела, но Тан Фань внезапно помог ему разогнать тучи и увидеть луну, разглядеть цветы в тени ивы. Яркий свет озарил его сердце, будто стерли пыль со старого зеркала, ныне чистого и сияющего – туман в мыслях рассеялся.

Со временем волнение Ван Чжи утихло и, увлеченно обдумывая детали, он постепенно восстановил прежнее спокойствие:

— Фракция Ваней точно не будет сидеть и смотреть на мое возвращение. Даже если получится обойти морской запрет, они обязательно попробуют вмешаться и забрать все лавры себе. В таком случае я ничего не смогу сделать.

— Верно, – кивнул Тан Фань. – А потому что-то предпринимать пока рано. Кроме того, дабы справиться с торговцами, что вступили в сговор с японскими пиратами, Двор должен построить сильный флот. Быстро такое не устроить. Сейчас самое главное – решить проблему в Датуне и выиграть решающее сражение, после этого мы сможем со спокойной душой вернуться в столицу.

Ван Чжи воспрял духом и вернул лицу уверенное выражение:

— Ты прав! Это самое важное. Эти черепашки дети не хотят моего возвращения, поэтому я просто обязан вернуться!

Тан Фань в красках обрисовал ему огромный пирог, который пробудил в Ван Чжи дух соперничества и помог избавиться от преждевременного уныния.

Ван Чжи был из тех, кто в состоянии принять и отпустить ситуацию, так что теперь он перестал переживать о Западной Ограде и озаботился текущей проблемой.

— Для начала расскажи мне, как обстоят дела, – начал Тан Фань. – Думаю, из-за Чу Юньцзы ты мог кое о чем умолчать.

— Ситуация с татарскими шпионами намного сложнее, чем кажется. Подозреваю, что один из них среди нас.

Услышав эти слова, Тан Фань невольно напрягся:

— О чем ты?

Послесловие автора:

По времени война не совпадает с историей, хронология несколько нарушена. Не стоит искать тут историческую достоверность. Конец командующего Вана тоже изменится и будет не таким, как на самом деле~

Господин Тан осознает вред от морского запрета, но он живет во времена династии Мин и не может понять, что снятие морского запрета равносильно “открытию глаз на мир”, поскольку народ Мин свято верил в то, что их родина – Поднебесная (их страна центр мира, другие страны – варварские и достойны быть лишь вассалами). Однако он поддерживает снятие

морского запрета, что уже само по себе опережение своего времени. История постепенно меняется.

Примечания переводчика:

В группе вк по Сыщику «Уголок СуйТанов» (vk.com/chssn) и одноименном тг-канале (t.me/tsomd) бесплатно доступна уже 90 глава.

Платные главы в группе всего за 100 руб./мес.

Комментарии переводчика публикуются тоже только в группе во избежание срачей)

* - “Даочжан” - обращение к даосскому монаху. Я уже не раз встречала его, особенно в Магистре, так что решила его не переводить.

<http://tl.rulate.ru/book/50212/2399148>